

УДК 94(470) «19»

В.М. Соловьев

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Рассматривается историография вопроса, прослеживаются разные подходы к проблеме пребывания русских за рубежом, что нашло отражение в дефинициях «русское зарубежье», «российское зарубежье», «постсоветское зарубежье». На основе источниковедческо-историографического анализа автор приходит к выводу, что укоренившееся в литературе определение «русское зарубежье» в современной науке уже не ограничивается традиционным когда-то периодом с 1917 г. по начало Второй мировой войны и толкуется более расширительно, включая как минимум все XIX столетие.

Ключевые слова: периодизация, историография русского зарубежья, эмиграция, колонии, землячества, диаспоры.

Заглавие статьи, как хорошо понимает автор, может вызвать справедливый вопрос: зачем обращаться к периодизации русского зарубежья, если она и так общеизвестна? Это действительно так, и надо признать, что в историографии достаточно прочно утвердились позиции тех исследователей, которые периодизацию истории русского зарубежья традиционно начинают с 1917 г. и увязывают с послеоктябрьской эмиграцией [1]. Зачем же возвращаться к тому, что, казалось бы, и без того очевидно и незыблемо? На то есть довольно серьезная причина. В научной литературе в последние десятилетия наметилась тенденция слишком расширительно, если не парадоксально, толковать и само понятие «русское зарубежье», и его периодизацию. В результате активизации историографического интереса к проблеме какие-то вопросы прояснились и получили дальнейшее развитие и предметное освещение, какие-то неожиданно приобрели новые смысловые поля, акценты, и как следствие в трактовке русского зарубежья произошли не только определенное размывание самого понятия, но и смещение устоявшейся хронологии [2; 3. С. 14–25; 4; 5. С. 16–24; 6. С. 5–6; 7; 8].

Обозначилось также (зачастую имплицитно) отождествление русского зарубежья с эмиграцией, тем более что рассмотрение последнего явления сопряжено в современной науке с некоторыми расхождениями и обусловлено разными подходами. Никто не оспаривает, что эмиграция – это вынужденное или добровольное переселение из своего отечества в другую страну по политическим, экономическим или иным причинам. Не вызывает несогласия и распространение этого термина на пребывание за рубежом после такого переселения, а также употребление слова в собирательном смысле, когда под эмиграцией подразумеваются покинувшие родину и нашедшие пристанище за границей лица. Но вот далее единодушие заканчи-

вается, и начинаются несовпадения взглядов и полемика.

Один из тезисов, восходящих еще к советской историографии, сводится к тому, что до начала XX в. в России не существовало права на эмиграцию. Оно было даровано только царским манифестом в 1905 году [9. С. 31–62]. Однако отсутствие этого права вовсе не означало отсутствие самого явления. Пусть не было официальной эмиграции, зато существовала неофициальная, и, как убедительно показал в своей монографии «Русское зарубежье в первой половине XIX века» В.Я. Гросул, за рубежом проживали представители различных слоев и прослоек русского общества [10. С. 9]. В названной работе В.Я. Гросул уже в первой половине XIX в. усматривает наличие русского зарубежья и предлагает понимать под ним постоянные колонии выходцев из России – их кружки, организации, салоны, землячества, духовные миссии Русской церкви, устойчивые объединения студентов и стажеров в заграничных университетах и институтах, творческие сообщества и союзы писателей, художников, актеров, ученых, т.е. целый русский мир, тесно связанный со странами пребывания, но живущий своей особой, самостоятельной жизнью, и, в отличие от послеоктябрьского зарубежья, не порывавший связи с родиной [10. С. 9]. Исходя из этого, историк пишет: «В данной книге мы не только учитываем тех русских людей, которые навсегда осели за границей, но и тех, кто проживал там относительно продолжительное время, во всяком случае, хотя бы несколько лет. Таким образом, к русскому зарубежью может быть отнесен и адмирал П.В. Чичагов, и писатель И.С. Тургенев, и художник А.А. Иванов и ряд других русских общественных и политических деятелей. Отрывать их от русского населения, постоянно проживавшего за границей, нет никакого резона, тем более что между ними сохранялись определенные связи. Что касается представителей дру-

гих национальностей России, покинувших ее, то опять-таки все зависит от того, поддерживают ли они связи с русской средой как за рубежом, так и в самой России. Если эта связь сохранялась и они, тем более, являлись носителями русской культуры, думается, мы не идем против истины, когда причисляем их к представителям именно русского зарубежья» [10. С. 9]. Позиция В.Я. Гросула ясна и в комментариях не нуждается.

Не менее авторитетный историк Е.И. Пивовар оперирует применительно как к XIX, так и к XX столетиям, определением «российское зарубежье». Соотнося это понятие с эмиграцией, он полагает: «Российское зарубежье – явление значительно шире и сложнее, чем понятие эмиграции, которая тем не менее лежит в его основе. При этом российская эмиграция представляет собой не единый поток, имеющий лишь хронологическое деление – «первая волна», послевоенная эмиграция и т.д., а комплекс различных миграционных потоков (социокультурных, политико-экономических и национальных), каждый из которых имел свою специфику, собственный вектор развития и качественные характеристики, а также самостоятельную динамику формирования и внутренний генезис, т.е. российское зарубежье представляло (и представляет) собой совокупность множества диаспор и социально-культурных групп... В рамках общественно-политических, социальных, национальных составляющих российской эмиграции XIX–XX вв. действовали различные внутренние импульсы, определяющие категории эмиграции и появление различных типов диаспор» [11. С. 445; 12. С. 237–253].

Оба процитированных историка не видят препятствий в том, чтобы свободно распространять термин «русское зарубежье» не только на первую половину XX в., но и на XIX столетие. Однако В.Я. Гросул несколько усомнился в том, насколько уместно объединять послеоктябрьское русское зарубежье с ему предшествующим, и задался вопросом: «существовало ли оно в то (в первой половине XIX в. – В.С.) время? Не модернизируем ли мы это явление, которое в настоящее время больше воспринимается применительно к XX столетию?» И далее, отвечая на свой же вопрос, он, не приводя, правда, ожидаемых доводов, почему-то признает: «Тут, собственно, предмета для особой дискуссии нет» [10. С. 9]. На самом деле высказанная В.Я. Гросулом точка зрения, напротив, носит спорный характер, нацеливает на дискуссию и стимулирует ее хотя бы потому, что послеоктябрьское русское зарубежье, в отличие от предыдущего, явление поистине уникальное и вряд ли с ним сопоставимое.

Принципиальная разница между даже таким системным эмигрантским сообществом, какое имело место в XIX в., и русским зарубежьем видится в том, что последнее обладало способностью не только к самосохранению, но как бы и к регенерации и не ассимилировалось, не растворялось в окружающей его среде. Отсутствие социально-исторической почвы не лишало его идейного стержня и морально-политического единства. Да, частично оно рассыпалось, дробилось, но в целом не разваливалось, не терялось в многоликую инокультуру и жизни страны пребывания. Советское политическое руководство отнюдь не случайно рассматривало русскую послереволюционную эмиграцию как реальную силу и угрозу коммунистическому режиму. Русское зарубежье 1920–1930-х гг. сумело так себя поставить, так соорганизоваться и консолидироваться, как не смогла эмиграция из России ни предшествующих, ни последующих лет. Это было без преувеличения очень креативное, жизне- и дееспособное образование, объединившее соотечественников на чужбине, перенесшее на заграничную почву демократические традиции, институты, установления, восходящие к крестьянской общине, земствам, к веками складывавшейся системе самоуправления.

Соотечественники в русском зарубежье, особенно бывшие военные, не бездействовали, копили силы, готовились использовать любую возможность, чтобы приблизить падение советской власти. Но и советские спецслужбы не сидели сложа руки, создавали на Западе свою агентурную сеть и отслеживали ситуацию и настроения в эмигрантских кругах. Фактически русское послеоктябрьское зарубежье противопоставило СССР и господствующей в нем идеологии огромный контркультурный потенциал, который не идет ни в какое сравнение с революционной оппозицией царской власти со стороны живущих за границей представителей политической эмиграции из России в XIX в.

По разумению автора настоящей статьи, было бы неоправданно приравнивать как эмиграцию вообще, так и всякое представительное и длительное пребывание наших соотечественников в других странах к понятию «русское зарубежье». Вызывает сомнение и безоговорочное распространение этого определения не только на XX в., но и на XIX и XXI столетия, хотя современная наука, помимо названного труда В.Я. Гросула, располагает и другими исследованиями, в которых термин «русское зарубежье» употребляется применительно к комплексу русских диаспор в разных странах на протяжении XIX в. В то же время есть серьезные работы, авторы которых не спешат объявить

русским зарубежьем землячества и колонии соотечественников за границей [13–15].

Признавая, что никто не обладает эксклюзивным или монопольным правом на какую-либо периодизацию, в том числе и периодизацию русского зарубежья, все-таки необходимо отметить, что одна и та же дефиниция в разных исторических контекстах означает далеко не одно и то же, поскольку разница между дооктябрьским, послеоктябрьским и современным русским зарубежьем столь очевидна и априорна, что не требует доказательств.

По-видимому, универсальное и семантически оптимальное словосочетание «русское зарубежье» уже утратило привязку исключительно к трагическому исходу из России миллионов соотечественников, превращенных в изгнанников октябрьским переворотом. Устойчивое сообщество россиян, проживавших за границей за столетие до революционных потрясений на родине в начале XX в., вероятно, тоже допустимо называть русским зарубежьем, но при условии, что имеется в виду качественная разница между этими одноименными понятиями. Ведь в одном случае политические эмигранты искали убежище в той или иной стране, зная, что им грозит тюрьма или максимум каторга, в другом – люди спасали свою жизнь, потому что при всей своей горечи эмигрантская доля все же была лучше виселицы или расстрела. Что же касается соответствия статусу русского зарубежья сегодняшних диаспор соотечественников за границей, насчитывающих более 1 млн 200 тыс. человек, то здесь, конечно, всё обстоит достаточно условно, и дает о себе знать дань традиции. Гораздо точнее и функциональнее для обозначения и передачи сути этого явления представляется термин «постсоветское зарубежье».

Еще одна проблема, заслуживающая историографического внимания, уже отмеченные выше неоправданная синхронизация понятий «русская эмиграция» и «русское зарубежье» и тенденция отождествлять оба этих понятия. Конечно, как это ни абсурдно, при большом желании можно без должных аргументов и, не затрудняясь доказательствами, утверждать, что зачастую одно автоматически перетекало в другое. Но если так рассуждать, то ничто не мешает сдвигать хронологическую границу обоих явлений, пренебрегая и здравым смыслом, и формальной логикой, все ниже и ниже, вплоть до эпохи Киевской Руси или даже Прагу.

С определенными оговорками вводить в научный оборот термины типа «русское предзарубежье» или «раннее русское зарубежье» приходится хотя бы по той простой причине, что эти страницы

истории русского присутствия за границей надо как-то обозначать. Вместе с тем историю российской эмиграции и проживание за границей даже количественно и качественно (с социально-сословной точки зрения и др.) впечатляющей части русского населения – это еще не повод для заявления о наличии Русского зарубежья со времени массового скопления выходцев из России в тех или иных странах. Такая постановка вопроса предусматривает проведение грани между историей русской эмиграции и начальной историей Русского зарубежья. Какую дату, какое столетие брать за точку отсчета? С чего начинать так называемое эмигрантоведение – новое направление в отечественной гуманитаристике, право на существование которого отстаивает уральский историк А.А. Пронин [16]? В научной литературе этот вопрос остается спорным. Согласно мнению А.С. Федотова, об эмиграции из России как таковой можно говорить лишь с XVIII в., ибо именно на это время приходится массовый отъезд подданных Российской империи из страны, а ранее известны лишь единичные случаи, когда русские покидали пределы своего отечества [17. С. 5–6]. Если обратиться к трудам признанного специалиста по исторической демографии В.М. Кабузана, легко установить, что в XVIII в. имела место не столько русская, сколько калмыцкая (ок. 200 тыс. чел. ушли в Китай) и крымско-татарская (из Крыма в Турцию) эмиграция. Доля же собственно русских была сравнительно невелика [18, 19] и вполне сопоставима с количеством тех, кто в предшествующие XVI и XVII столетия самовольно бежал по разным причинам за границу.

В царствование Ивана Грозного спасительное убежище за рубежом нашли не только князья Андрей Курбский, Дмитрий Вишневецкий, Алексей и Гаврила Черкасские, боярин Т. Пухов-Тетерин, дворянин Б. Хлызнев-Колычев или печатники Иван Федоров с Петром Мстиславцем. На самом деле, добровольная эмиграция тогда – не такое уж редкое явление, и список беглецов насчитывает, по меньшей мере, несколько десятков [20, 21]. Однако историки обычно не уточняли количество и обходили этот щекотливый вопрос по следующей причине. Каждый бежавший стереотипно приравнивался к изменникам родины, а за тем, чтобы в исторических публикациях не фигурировало слишком много предателей, даже если речь шла о России «при старом режиме», зорко следила цензура. В действительности же ярлык предателя приклеивался к подавшемуся в Литву или куда-то еще в заграничье человеку порой без всякого основания. Например, новгородец Петр Розладин

бежал в начале 1570-х гг. в Швецию, так как кто-то из его родни был казнен, кто-то подвергся насилию и гонениям. Понимая, что ему тоже несдобровать и вот-вот настанет и его черед, Петр решил действовать на опережение и тем спас свою жизнь [22. С. 45–46].

В сегодняшней историографии достаточно сильна позиция тех исследователей, которые полагают, что историю российской эмиграции необходимо вести с конца XVII в. Так считают С.И. Брук, В.М. Кабузан, Е. Рихтер, А.А. Пронин [16; 23. С. 53–65; 24, 25]. В самом деле, на последнюю четверть XVII столетия приходится такое масштабное явление, как исход из России старообрядцев. Они покидали родину в одиночку, группами, и их большие коллективы становились ядром целых русских поселений в разных странах. Со вниманием и уважением относясь к точке зрения тех авторов, исчисляющих историю российской эмиграции с конца XVII в., нельзя не заметить, что, придерживаясь их логики, есть не меньшие основания передвинуть временную риску, по крайней мере, на столетие назад.

Однако еще правильнее было бы, дабы не выходить за предметное поле науки, пока воздержаться от обозначения нижнего рубежа периодизации российской эмиграции. Конкретизация его хронологических рамок станет возможна, когда будет осуществлено фундаментальное исследование, отражающее сплошную и сквозную историю русской диаспоры как исторического явления. «Эту историческую линию, – как отметил известный исследователь в области истории российской интеллигенции и эмиграции А.В. Квакин, – необходимо проследить неразрывно до настоящего времени. Практически все предыдущие исследования... ограничивались отдельными этапами или «волнами эмиграции», и не предпринимались попытки проследить данное явление в качестве единого исторического процесса от его зарождения до наших дней» [26. С. 26]. Сегодня было бы преждевременно останавливаться на какой-то определенной нижней границе, которая послужила бы условной хронологической отметкой, отмеряющей и знаменующей начало устойчивого пребывания русских за рубежом. Тем не менее уже сейчас наука располагает убедительными фактами, подтверждающими такое стабильное, длительное или даже постоянное присутствие. Это относится, например, к монастырской братии на Афоне [27. Р. 57–85; 28. Р. 32–60; 29. С. 407–418; 30. С. 431–432; 31], к иностранным подворьям Русской православной церкви, к торговым дворам новгородцев в ганзейских городах [32].

Опрометчиво безоговорочно относить названные объекты к изначальным точкам отсчета исто-

рии русских зарубежных поселений и расценивать их не как зачаточные-эфемерные, а как сколько-нибудь системные образования, располагающие ресурсами реального влияния. Ни для XIII, ни даже для XIV–XV столетий подобное утверждение не будет корректным по той простой причине, что представляет собой типичный анахронизм, т.е. не нечто спорное, а серьезную ошибку против хронологии, выражающуюся в отнесении фактов и явлений одного порядка и строго конкретного времени к другой эпохе. Однако нет сомнения, что оазисы русского мира как отдельные пункты притяжения и поселения соотечественников действительно имели место в иноязычном окружении гораздо раньше, чем это принято считать, и играли немалую роль. Здесь важно вовсе не установить рекордно низкую планку хронологического предела и искусственно состарить русскую эмиграцию как явление. Речь о другом, а именно о давней, берущей начало еще в Древней Руси тенденции делегировать за границу своих представителей, создавать землячества, вступать в диалог с иноязычной средой, осуществлять межкультурную коммуникацию, вписываться в мировое духовно-культурное пространство [33. С. 224–227; 34, 35, 36, 37. С. 3]. Объективное, без гиперболизации, догматизма и преувеличений из добрых и искренних патриотических побуждений изучение того, когда, где и как это происходило и складывалось, приоткроет неизвестные пока страницы истории русского присутствия за рубежом, поможет выделить его новые этапы и линии преемственности.

Приходится констатировать, что нынешняя историография так или иначе вписала термин «русское зарубежье» не только в контекст послеоктябрьского исхода, но и в предшествующий и последующие периоды нашей истории. Конечно, сама практика эмиграции стара как мир, и на Руси она тоже просматривается уже в самые стародавние времена и едва ли не восходит к славянской архаике. Только из этого не вытекает, что на основании разрозненных фактов и полуполюгендарных эпизодов, известных из летописей, пристало строить какую-то новую, пусть и не претендующую на сенсационность, подобно фолиантам А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского, периодизацию истории международных отношений, дипломатии и эмиграции Древней Руси. То, что понятие «русское зарубежье» не ограничивается в сегодняшней науке послеоктябрьскими десятилетиями, это историографическая реальность, которую можно принимать или не принимать. Если какие-то термины вошли в научный оборот, закрепились и постоянно повторяются, думается, оспаривать

их столь же бессмысленно и безнадежно, как и запрещать [22. С. 5–10].

Автор придерживается мнения, что историю собственно русского зарубежья (т.е. феномена, приходящегося на период с 1917 г. по начало Второй мировой войны) все-таки следует отделять от его предыстории, ранней истории, а также постсоветского и современного российского зарубежья. И, поскольку термины «русское» и «российское» не равнозначны, необходимо в зависимости от контекста не смешивать их, не употреблять как синонимы, а различать и дифференцировать. Автор отдает себе отчет в том, что публикацией настоящей статьи не отменяет иные взгляды на русское зарубежье. Тем не менее, выражая общее мнение коллектива ученых Дома русского зарубежья, считал бы правильным и логичным сохранить приоритет термина «русское зарубежье» как исторически выстраданного, апробированного и научно оправданного за тем миром соотечественников-эмигрантов, который сложился вне границ послеоктябрьской России в первой трети XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов А.В. Русское зарубежье и архивы. Документы российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования // Материалы к истории русской политической эмиграции. М.: Ист.-арх. ин-т РГГУ, 1998. Вып. 4. 392 с.
2. Поляков Ю.А. Российское зарубежье: проблемы истории // Проблемы изучения истории российского зарубежья: Сб. ст. / Под ред. Ю.А.Полякова и Г.Я. Тарле. М.: ИРИ РАН, 1993.
3. Тарле Г.Я. История российского зарубежья: некоторые понятия и основные этапы // Проблемы изучения истории российского зарубежья. М., 1993.
4. Тарле Г.Я. Российское зарубежье и родина. М.: ИНИОН, 1993, 98 с.
5. История российского зарубежья: термины, принципы периодизации // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940. М., 1994. Кн. 1.
6. Федотов А.С. Российская эмиграция и русское зарубежье: к вопросу о дефинициях // Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры: тез. докл. науч. конф. Москва, 13–15 апр. 1993 / Отв. ред. Ю.С. Борисов. М.: ИРИ РАН, 1993.
7. История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX вв.: Сб. ст. М.: ИРИ РАН, 1996.
8. Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв.: Сб. ст. / Под ред. Ю.А.Полякова и Г.Я.Тарле. М.: ИРИ РАН, 2002.
9. Тарле Г.Я. Эмиграционное законодательство России до и после 1917 г. (Анализ источников) // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв.: Сб. ст. М.: ИРИ РАН, 1997.
10. Гросул В.Я. Русское зарубежье в первой половине XIX века. М.: РОССПЭН, 2008. 703 с.
11. Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М., 2008, 546 с.
12. Пивовар Е.И. Российское зарубежье в XIX – первой половине XX в.: некоторые итоги изучения проблемы // Исторические записки / Отв. ред. Б.В.Ананьич. М.: Наука, 2000. Вып. 3 (121).
13. Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М., 1982.
14. Додолев М.А. Россия и Испания. 1808–1823. М., 1984.
15. Нитобург Э.Л. Русские в США: История и судьбы. 1870–1970. Этноисторический очерк. М., 2005.
16. Пронин А.А. Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980–2005 гг.: библиометрический анализ. Екатеринбург, 2009, 360 с.
17. Федотов А.С. Российская эмиграция и русское зарубежье: К вопросу о дефинициях // Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры: тез. докл. науч. конф. Москва, 13–15 апр. 1993 / Отв. ред. Ю.С. Борисов. М.: ИРИ РАН, 1993.
18. Кабузан В.М. Русские в мире = Russians of the World. Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр «БЛИЦ», 1996, 314 с.
19. Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVII – нач. XX века. М.: Наука, 1998, 270 с.
20. Скрынников Р.Г. Иван Грозный и его время. М., 2001.
21. Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 2006.
22. Соловьев В.М. Русские на чужбине. Известные страницы истории жизни русских людей за пределами Отечества X–XX вв. М.: Центрполиграф, 2011, 319 с.
23. Брук С.И. Миграция населения: Российское зарубежье // Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: РОССПЭН, 1994.
24. Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – нач. XX века. М.: Наука, 1998, 270 с.
25. Рихтер Е. Кто и как жил на земле Эстонии: этнографические очерки. Таллин: Александра, 1996, 96 с.
26. Квакин А.В. Культурная миссия российской интеллигенции в эмиграции: к постановке проблемы // Культура Российского зарубежья / Отв. ред. А.В.Квакин, Э.А.Шулепова. М.: Российск. ин-т культурологии, 1995.
27. Мошин В. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI–XII вв. // Bulletin de la societe de Linguistique de Paris. 1947. V. 9.
28. Мошин В. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI–XII вв. // Bulletin de la societe de Linguistique de Paris. 1950. V. 11.
29. Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.
30. Турилов А.А. Забытые русские святогорцы – Калинник и «филадельф» (страничка истории русского книгопечатания на Афоне в конце XIV – нач. XV в.) // МОСХОВИЯ. М., 2001. Т.1 (К 60-летию Б.Л.Фонкича).
31. Nicholas Fennell. The Russians on Athos (Русские на Афоне). Frankfurt – Neu York – Wien, 2001. 348 с.
32. Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения (конец XIV – нач. XVI в.). Л.: Наука, 1975, 223 с.
33. Рыбаков Б.А. Сказания, былины, летописи. М., 1963.
34. Потин В.М. Древняя Русь и европейские государства X–XII вв. Л., 1968.
35. Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М.: Международные отношения, 1982, 240 с.
36. Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. М.: Педагогика, 1987, 128 с.
37. Микляева А.М. Путь из варяг в греки (зимняя версия) // Исследования, поиски, открытия: Краткие тезисы докладов научной конференции к 225-летию Эрмитажа 14–16 ноября 1989 г. Л., 1989.